

Е. ТУРЧАИНОВА,
народная артистка СССР

Страницы воспоминаний

Малому театру сто двадцать пять лет. Это — срок огромный, время ушедшее в прошлое, захватывающий сотни актеров и жваней, десятки замечательных талантов, улыбки и тысячи сыгранных ролей.

Немногим дано, как мне, окунуть мысленным взором почти половину этого срока. А ведь уже шестьдесят один год прошел с того дня, когда я впервые переступила пороги драматического корпуса при Малом театре. Книга истории Малого театра жила в моей памяти. И вот я словно листаю странички моего воспоминания...

Иногда вспоминаешь со сцены во второй акт — в сцену исполняют знаменитые артисты: Антония Лока, отведенная для нас, воспитанников драматического корпуса; войскам, возглавляем каждый раз перед началом спектакля.

Воспитанники глазами следная мы за первой актеров. Превосходная, неслабая группа играла тогда на сцене Малого театра. Мы видели Михайлова, Федотова, Якушкина, Садоканку, Лесковского, Горюна, Южана, Рабиновича, М. П. Садоканку, Музалевскую, Прозорова. Мы жадно наблюдали за их творческой игрой, прослушивали и звучанию чистых и сладких голосов, слышали каждую интонацию, каждую слово бесстрастных пьес Гоголя, Грибоедова, Островского, Суворова-Рубинина, Писемского...

В исполнении этих прекрасных артистов, ставших скоро моими старшими товарищами на сцене, я впервые увидела театральное воплощение великодушных творений Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона, Гюго, Вольтера, Шопенгауэра. Тут была небывалая, но всеобщая — удивительная.

В 1891 году и окончила школу Малого театра. Это был первый выпуск драматического корпуса Малого театра, ныне именуемого учащимся им. Шекспира. Пришла пора и мне выйти на одну сцену с теми, чью ягу я с таким волнением наблюдала на ложке второго яруса.

Первым ролям моей была роль Тави в

«Полох прощения». Мне предстояло играть с Федотовой, Садоканкой, Якушкиной, Лесковым. Волновалась я — сто не речитатива — безмерной Спектакль проща ямечательно. После третьего акта Леский опьянил меня за руку к рампе. То представлял он публике своим учеником — именно Леский руководил моими занятиями в школе. Потом он отнял у меня руку и отшел. Анализомы мне указали. Анализомы мне. Когда я осознала это, у меня еще ноги не подкосились. Так началась моя артистическая жизнь в Малом театре...

Сейчас приходится очень часто слышать разговор о традициях Малого театра. Пусть не думают, что слово это лишено конкретного смысла. Да, Малый театр — в особенности, и сцена, в его стенах когда-то вырабатывалась, сформировалась, сложилась новая школа — хорошее и лучшее, что родилось на его сцене. Школой и тогда мой юности такими огромными и всеобщим уважением пользовалась Мелодия — непосредственная ученица Шекспира. В мое время особенно дорожили, с ее советами всегда считались. И скромная ее психика: «вы умеете реагировать на сцене» — запомнилась мне на всю жизнь. В десятилетия в десятилетия совершенствовались, опирались от всего внешнего, приобщая огромную силу воздействия на зрителей артистка — школа Малого театра. Из десятилетия в десятилетия «второй университет» неизменно сохранял и развивал животворную связь с русским народом, с великой русской литературой. И даже в черные годы реакции лучшие артисты Малого театра уезжали, как например, Ермолов, выражать в своей игре чаяния своего народа. Нередко забывавя о том, что Московский Художественный театр также связан был связан с Малым театром общностью этих славных народных традиций.

Но судьбою же создается Художественного театра так высоко ценник юристов не

ной сцены — Федотову, Леского, Ермолова и многих других.

Г. И. Федотова прекрасно запомнилась в моей памяти. Она была подлинной патриоткой своего народа и своего театра, великой актрисой, удивительной человеком. Тяжелая болезнь заставила Федотову оставить сцену, привела ее в раскату. Но не протестами извести жет Леского этого квартала в была подлинным центром московской театральной жизни.

Долгие годы Федотова была одной из тех, кто, собственно, и представлял собой Малый театр, — его талант и его славу, его ум и его творческую совесть.

К числу таких людей относился, конечно, и А. П. Леский. Еще в школе я оценила это замечательное явление русского театра. В то время все еще плохо понимала, передавая ученики собственные приемы работы нах ролям. А П. Леский добился прежде всего правды и чувства. Мери. Он требовал, чтобы ученик полностью предположил свою наблюдательность и фантазию, настраивал на полную естественности естественного поведения. Одно из важнейших и нежелатель, самых трудных требований Леского мне особенно запомнилось: он добавлял к ученику умения слушать на сцене. Больше, включая же Леский делала также искусство диалога, роли, сцены и содействием характерных интонаций действующего лица в зависимости от его социального положения.

Многообразие дарования Леского всех планов. Удивительно тонкий, чуткий и благородный артист, он с равным искусством играл трагические, драматические и комедийные роли. Талантливый художник, он писал картины, актеры декораций и костюмы. Первый настоящий режиссер Малого театра, он же инициатор был предшественника Станиславского.

Но слава непосредственного воздействия на публику таких артистов, как Леский, Федотова, Якушкина, Южана, затмевала только великая Ермолова. Ее гений был беспредель, ее темперамент был — сама стихия.

Стоило ей появляться на сцене, как всецело все, кроме нее, кроме ее горящих глаз, слышного, взволнованного грудного голоса, ее прекрасных рук, ее стройного, гибкого тела, словно кланяющего дорьям

высокого чувства. Те, кому выпала на долю великой счастливой играть с ней вместе, вероятно, как и я, помнят моменты, когда Ермолова едва не заставляла нас забыть о собственной роли.

В ее приг невозможно было заметить и следов предварительной подготовки, работы над ролью. А мы-то ведь знали, как напряженно, как изучиво, как самолюбиво трудится Мария Николаевна! Но за минуту вылетала наша уша на Ермолова — на сцену выходила сама пламенная Лурье, сама гневная Жанна д'Арк...

На спектаклях, в которых я играла вместе с Марией Николаевной, особенно запомнилась мне «Вся вина виноваты» — одно из последних наших совместных выступлений. Ермолова играла Кручинину, Остужка — Иванова, я — Талочку. И снова я испытывала удивительное двойственное чувство: игра Ермоловой возбуждала меня, даже, я слышала бы, орыла, но в то же время улавлила настояла, что иной раз я боялась пропустить свою реплику.

Московская публика буквально обожала великую артистку. Я не знаю другого такого примера влюбленности зрителей в актера. Это чувство, особенно сильное среди молодежи, объяснялось не только гениальностью Марии Николаевны, но и тем, что в ее игре находила свое выражение самые прекрасные, самолюбивые идеи времени. Само слово «свобода» она умела так провозгласить, что оно всхлипывало зркам пламенем, выражало и самое сердце, будила возмущенную массу.

Но вот пришла пора, когда слово «свобода» с новой силой зазвучало под садами старого Малого театра. Наступила Великая Октябрьская социалистическая революция. Новый зритель — сам народ — пришел в наш театральный зал. Для меня, воспитанника простоты трудовой семьи, это было великое счастье.

Первые последеволюционные годы не были легкими для нашего театра. Нет, годы были трудные. Но ничто не могло помешать артистам, горевшим искренней любовью отдать свой талант и свое мастерство освобожденному народу.

Мы стали систематически выезжать в районы Москвы во спектаклях и концертах. Из только мы им побили! Играла и за пределами столицы — в Серпухо-

во и в Кушине, в Шелеве и в Люблино, в Любичах и в Отрадно-Зуеве, в Пальшино и в Ботолосском. Нас не смущала тогда крайнее неудобство случайных, неприспособленных помещений, капризы освещения, мороз и т. п. Видя за все эти мизансеты нас с лихвой вознаграждали горами, пылавая любовь зрителей впервые научившихся пользоваться возможностями искусства Малого театра. И тогда чувство преданности своему народу превозмозгла усталость. Однажды, когда во время спектакля «Лес», начавшийся в 10 часов вечера, внезапно погас свет, публика испуганно заплывала, что часа два она соотмеша ждать. Спектакль окончился в половине четвертого утра! Ни один человек не покинул саву.

От всего сердца отдавала мы все свои силы, всю творческую энергию нашим прекрасным зрителям. Так вымывались в трудные дни великой борьбы нашего театра с советскими зрителем.

Много пережитого было связано с первыми постановками советских пьес на сцене Малого театра. Маловеры весьма критично заявляли, что Малый театр не приспособлен для их исполнения, что ему достаются только Островский, что современники его узнают себя в спектаклях Малого театра. С огромным волнением ждал мы открытия занавеса в день премьеры «Любови Яровой» В. Тренева. За время репетиций мы успели горячо полюбить эту пьесу. Мы чувствовали в ней и поистинный дух революции и глубокий, подлинный реализм, столь близкий нашему театру. Нам казалось, что именно «Любови Яровой» должна наиболее активно выражать то новое, что уже созрело и укрепилось в творчестве Малого театра.

И вот началась спектакль. С замечательной четкостью и сдержанностью играл Колпакин П. М. Садоканский, С. Кузнецов в роли Иванова был неизменно хорош; горит, сиял с настоящим vigor. И играли в этом спектакле Горюнов, профессорскую жену. Когда спектакль кончился, публика без конца аплодировала и много раз вызывала всех исполнителей.

Мы поняли в тот день, что путь, избранный нами, — это единственно правильное направление. Мы поняли, что дешевое трагичество так называемых «элементов театров» бесцельно и чуждо народу, а на-

ше романтическое искусство, обогащенное новыми светскими сюжетами и новыми идеями, имеет перед собой солнечные, бескрайние перспективы развития!

Одну за другой ставили мы новые советские пьесы. Большими праздниками для меня были роли Дубравинки в «Огненном мосту» Б. Ромашова и матери в «Саво» В. Гусева.

В дни Великой Отечественной войны Малый театр был одним из первых советских театров, вышедших в благородное патриотическое начинание — художественное обслуживание фронта.

Когда бы быть иначе? Ведь каждому из артистов Малого театра руководило в эти дни то чувство патриотизма, которое составляет самую суть, самую основу нашего искусства. На свои трудовые деньги мы приобрели в суровые годы Отечественной войны исключительно самолетов для Советской Армии. Она из этих самолетов я лично перелетаю технику-обслуживать в Т. Батзату. И когда они облетают пришло ко мне и рассказали, что машина хорошо поработала и уничтожила немцев врагов, я в тот момент с новой силой почувствовала свою кровную, неразрывную связь с великим советским народом...

Последние спектакли Малого театра с еще большей силой показали всю плодотворность этой связи. Мы чувствовали, что сама жизнь подталкивает нас к новым типам, характерам, человеческим чертам, впервые в истории сложившимся в наши времена. Изменить эти черты, переосмыслить их в гению, показывать светским зрителям те черты, что вытекали из них беззаветной — это великое счастье для актера.

Ваше избранное народ всегда привнесло в нашу театру. От имени всего коллектива я отвечаю за эти слова поздравления и привет:

— Дорогие друзья-зрители! Все, что мы умеем, все, что мы хотим, все это — наше! Всен эти мы обязаны нашему могучему народу, нашей великой партии Ленина — Сталина.

Сум. Газета 26 окт. 1949